

Г. А. Праздников¹

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР: НРАВСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО МИРОВОГО ИСКУССТВА

Сложный, многомерный предмет глобализации, рассматриваемый как необходимый процесс реализации объективных универсальных исторических тенденций, представляет собой очевидное, подробно описанное и проанализированное явление неизбежного сближения народов, наций и стран. Диалог культур совершенно неотделим от процессов мощного развития информационных связей на основе новейших средств коммуникации, возрастающей интенсивности миграционных процессов, единых механизмов мировой экономики, транснациональных корпораций, создания международных правительственных и неправительственных организаций и т. д.

Диалог — это прежде всего субъект-субъектное отношение. Эта связь может быть бесконтактной (так, за исключением исполнительских искусств, художник не знает реакции на произведение), более того, как ни парадоксально это звучит, диалог может быть односторонним (сигналы, посылаемые внеземным цивилизациям безответно, но это диалог в потенции, в бесконечно долгой надежде на отклик). Субъектами диалогового общения в равной степени могут быть индивид, группа, социум, культура, все человечество (по отношению к инопланетным цивилизациям).

Может быть, никогда прежде эта проблема не была столь значимой, как в современной культуре, где актуализированы и функционируют в единой целостности неведомые прежде пласты культуры «большого» времени и «большого» пространства. Буквально на наших глазах прошлое из исторических памятников переходит в состав живой художественной культуры, планетарный масштаб обретают феномены региональных культур. В этом процессе сложнейшим образом взаимосвязаны осознание художественно-эстетической суверенности, порой альтернативных явлений культуры, и переживание некоего духовно-нравственного единства человечества. Идея глобального мира прокладывает себе дорогу на протяжении всей человеческой истории, однако с особой очевидностью общность исторического процесса открылась человеку XX века, когда появилась возможность увидеть универсальное общее основание человеческой культуры.

Разные культуры нуждаются друг в друге — каждая для самой себя и каждая — для существования целого, развивающегося через «равноразличия» (М. Гелфтер). Понимание необходимости сохранить многообразный мир не только не исключает, но и предполагает возможность увидеть многообразие как единство. В диалоге

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт» и др. Член Союза театральных деятелей Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП.

культур мы обнаруживаем различия в явлениях, внешне сходных, и смысловое единство — в различиях. Мировая культура строится на базисных, фундаментальных, смысловых основаниях человеческого бытия, отражая их и одновременно участвуя в порождении и закреплении смыслов истории.

В своей концепции культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев постоянно обращал внимание на ее объединяющую роль, полагая эту функцию как целевую. Взаимное общение и стремление к нему возможны только на основе некоей единой силы, связывающей все культуры. Один из крупнейших историков минувшего века Арнольд Тойнби просто и точно определил эту «тягу» людей друг к другу как потребность «реально» осознать и пережить «*обицую им человечность*»² (курсив мой. — Г. П.), позволяющую жить вместе одной семьей, сохраняя при этом культурное разнообразие. В контексте рассматриваемой проблемы необходимо вспомнить: для Д. С. Лихачева отношения «человечества и человечности»³ всегда выступали в нераздельном единстве.

Необходимость целостного познания любых форм творческой деятельности в контексте человеческих ценностей все отчетливее осознается современной наукой. Возможно, на нынешнем этапе культура переживает пик своего смыслового поиска.

«Культура подошла к глубочайшему внутреннему кризису. Все линии культуры доходят до предельных концов и выходят из дифференцированных ценностей. Основная проблема XIX и XX веков — проблема отношения творчества (культуры) к жизни (бытию)». Актуальность этих слов из опубликованной в 1916 году книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества»⁴ в нынешнем мире возросла многократно. Кризис современной исторической ситуации в значительной степени определяется нарастающими тенденциями дезинтеграции, специализации культурной деятельности, не ориентированной на реалии человеческой жизни. Только совершенно нечуткий человек может не заметить в обществе состояния беспокойства, встревоженности, вызванное нестабильностью, неустойчивостью культуры и жизни. Символом времени стала частица «как бы». Кризис идентичности переживают практически все формы культуры.

Остросовременными оказываются вопросы, казалось бы, давно ставшие хрестоматийными и тривиальными: что такое искусство? Художник? Произведение? Культура? Арт-деятельность — это художественное творчество? Арт-субъект — это художник? Чему альтернативно «альтернативное искусство»? Что такое «посткультура», если в этом словосочетании остается

² Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С. 177.

³ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 148.

⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 520.

«культура»? Все эти вопросы актуальны, только проблема специфики различных культурных явлений отходит на периферию, уступая место смысловому их осознанию, то есть погружению в контекст жизненного бытия. Здесь в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности предстает сложный комплекс проблем человековедения: творчество и культура, гуманизация личности, экзистенциально-нравственное отношение к миру, свобода и ответственность, жизнь как творчество и творчество как жизнь. Глубинное единство жизни и творчества, их неслиянность и нераздельность в современной культуре все явственнее и острее обретают теоретическое истолкование. Один из крупнейших философов минувшего века Ортега-и-Гассет понятие «жизнь» считал не только самым важным, но и наиболее «радикальным». Радикальным в том смысле, что о каких бы реальностях (действительных или возможных) ни шла речь, мы просто вынуждены соотносить их с жизнью.

Необходимо не только, как говорил Ницше, взглянуть на искусство «под углом зрения жизни», но и включить его в «состав жизни», ибо человеческая жизнь — не биологическое функционирование организма в его взаимодействии со средой, но многоуровневая (в единстве тела, души и духа) деятельность биосоциокультурного существа. Бытие человека сплошь проблематично: постоянно решается вопрос соответствия его существования сложному, внутренне противоречивому миру, где неразрывно связаны естественное и искусственное, духовное и телесное, биографическое и биологическое, порядок и хаос, преднамеренное и непреднамеренное, полезное и вредное... — одновременная жизнь и в природе, и в культуре. Самые сложные движения духа нельзя понимать как что-то невещное или надвещное. Человеческая жизнь «человекообразна» и в своих главных качествах определяется мерой человеческой активности: возможно увеличение жизни (по Л. Толстому, «движением от себя к Богу»), равно как и ее «сокращение» — глупым, бесформенным, бессмысленным проживанием. Вот почему, по глубокому убеждению Ортега-и-Гассета, первичное, истинное значение жизни раскрывается не в биологическом, а биографическом подходе¹.

Такое понимание равно необходимо как для смыслового постижения художественной культуры, так и для понимания самой жизни. «Живя, мы занимаемся литературой, даже не зная об этом, и занимаясь ею, может быть, живем как-то иначе...»² Эта мысль Мераба Мамардашвили о взаимопроникновении разных планов жизни, уходящих глубинными конями в человека и соединяющихся на каком-то уровне сознания, была в высшей степени значима для него. Само искусство он трактовал как феномен культуры, в общении с которым мы не только в произведении понимаем что-то, но через его переживание вступаем в жизнь в новом человеческом качестве.

Смысл художественного творчества, как, впрочем, и смысл любой деятельности, есть некая конечная цель, то, ради чего совершается деятельность, чем она обо-

снована и оправдана в человеческом бытии. Обусловливая необходимость в культуре тех или иных ее образований, смысл детерминирует деятельность, лежит в ее основании. В то же время сама деятельность смыслотворна, в историческом ее развитии смыслы закрепляются, углубляются, эволюционируют. Смысл не лежит на поверхности явлений, и чем явление сложнее, тем труднее он открывается, ибо смысл несводим ни к значениям отдельных сторон явлений, ни к их внешнему объединению. Смысл — это та *сокровенная* суть, воплощением которой и выступает то или иное целостное образование человеческой культуры. Специфические характеристики, функции этого явления культуры есть не что иное, как способ существования, воплощения и выявления смысла.

Постичь смысл искусства — культурного явления, сопутствующего всей истории человечества, — можно лишь в масштабе долгой жизни, большого времени и пространства, в соотношении со смыслом истории.

Если можно определить смысл истории как самоутверждение человечества через овладение миром и самосовершенствование, то, естественно, назначение различных форм культуры может быть выявлено только в предельно широкой системе «человек-мир».

Человеческий мир — это мир, исторически данный человеку, освоенный в его общественной практике. Предметно-вещественные характеристики этого мира — с изменением их функциональной роли — становятся ценностно значимыми, наделяются человеческим смыслом. Этот мир включает не только наличное бытие, но и прошедшее, и будущее, воплощенное в памяти и воображении. В широком смысле слова человеческий мир есть мир культуры, включающий и человека во всей полноте его человеческой социальной сущности. Но культура — не только (а может быть, даже и не столько!) состояние мира, «ставшего» человеческим, но и процесс *становления* этого мира, создаваемого совокупными усилиями человечества и всеми без исключения формами деятельности. Человек познает и преобразует этот мир, овладевает им, адаптируется, приспосабливается к нему, однако подлинную человечность он обретает, *приобщаясь* к «человеческому миру».

По-видимому, эта необычайно сложная по составу потребность гармонизации человека и мира лежит в основе искусств, определяя генеральный жизненный смысл его функционирования в системе человеческого бытия. Приобщая к человеческому миру, искусство оптимально выражает человеческое в человеке, универсально формирует и реализует человеческое «я».

В широкой панораме искусства всех эпох и народов его ориентация художественной сферы на жизненные ценности улавливается как наиболее устойчивая тенденция, реализующаяся в бесконечном многообразии художественных форм. Мысль современного исследователя, непредвзято и живо обращенная к мировой культуре, обнаруживает смысловую направленность творчества на упорядочение и совершенствование жизни, преодоление хаоса,

¹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 86.

² Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М., 1995. С. 301.

раздробленности человеческого бытия. Источником этой гармонизирующей организации художественного мира могла быть идея космоса, разумно сотворенного демиургом, или космоса, выражающего моральность или аморальность живых существ (Древний Китай, Индия), либо образ предельной полноты человеческого бытия на основе вполне земных представлений об идеалах истины, добра и красоты.

Мы слышим живой человеческий голос в искусстве Средневековья и художественных явлениях недавнего прошлого, привычно связанных в нашем сознании с декоративностью формы, конструктивной изобретательностью или разрушением эстетического канона. В произведениях Матиса, Пикассо, Кандинского переживаются ныне утверждение красоты и света, трагическое постижение судеб современного человека и человечества, живая боль и радость художника.

Человек осознает свою жизнь не просто как пребывание в мире, но и как свободное деятельное его преобразование, гармонизацию, сильное воплощение в нем идеалов добра и красоты. Становление личности в ее неповторимом богатстве способствует активизации творческого потенциала человека и человечества, а реализация этих потенций во всех фор-

мах культуры есть условие созревания человечности и ее критерий.

Обретенная искусством полнота человеческих отношений к миру, включающая и индивидуально-личностный мир самого художника, обусловила формирование нового типа творчества. Теперь творчество предполагает «всего человека», ориентированного на общечеловеческие цели и осуществляющего в творчестве (творчеством) определенную жизненную программу. Свободное выражение личности в «спонтанной страсти» есть одновременно жизненный и художественный акт, в конечном счете определяемый содержанием человеческих ценностей.

Посредством культурной деятельности люди общаются друг с другом, а потому любой творческий акт есть не только специализированное действие, но и поведение, поступок, жизненное деяние. Отношение художника к конкретному произведению, искусству, культуре, самому себе, другим людям и миру в целом единосущны.

Художник объективно оказался средоточием глубинных внутренних связей искусства и жизни, сложная диалектика которых выступает не во внешней их соотносительности («как в жизни»), но в фундаментальной внутренней общности — «как жизнь».